

³² 25 ноября 1992 г. резолюцией 47/33 Генеральная Ассамблея ООН поручила КМП в первоочередном порядке заняться разработкой проекта статута международного уголовного суда. Одновременно и независимо от деятельности КМП в этой области в ООН обсуждается вопрос об учреждении Международного уголовного трибунала для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных на территории бывшей Югославии.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МИРОВОЙ ПОРЯДОК

А. П. Мовчан*

Эти понятия ("мировой порядок" в особенности) постоянно звучат в последнее время в заявлениях и выступлениях руководителей государств и ведомств иностранных дел, а также известных политических деятелей. Этими терминами ныне часто оперируют журналисты и публицисты.

Формула "мировой порядок" становится привычной для нас, и мы перестаем задумываться над тем, а что же она в действительности означает. Важны ли подобные размышления? Видимо, да, важны, поскольку в конечном счете речь идет о том порядке в мире, в котором нам приходится или предстоит жить.

Новым импульсом к подобным раздумьям послужило выдвижение президентом Дж. Бушем идеи "нового мирового порядка". У политиков и комментаторов сразу же возник вопрос: что означает эта концепция – новый политический курс США, претензию на неограниченное лидерство в мире или же стремление к обеспечению "мира во всем мире"? В частности, лондонская "Гардиан" попросила широко-известных деятелей и ученых из разных стран высказать свое мнение относительно "нового мирового порядка". И все они в той или иной степени указали на то, что этому понятию может быть придан самый противоположный политический смысл¹. В свою очередь, Совет взаимодействия (международная организация бывших глав государств и правительств) в результате анализа ситуации, возникшей в мире после окончания "холодной войны", пришел к выводу о том, что "грозящие миру критические проблемы глобального характера требуют пересмотра международных отношений и выработки нового определения мирового порядка (выделено мною. – А. М.)"².

Концепция и понятие мирового порядка относительно новы. Известные исследователи миропорядка считают, что сам этот термин впервые был употреблен в документах "Группы 77" развивающихся стран, то есть "родился в недрах практической политики". Вскоре "миропорядок стал предметом пристального внимания ученых", однако среди них "наблюдается огромный разбой в подходе к понятию миропорядка"³.

* Доктор юридических наук, профессор.

Действительно, подходы не только ученых (политологов, экономистов, философов, юристов и др.), но и политических деятелей к пониманию сущности мирового порядка настолько разноречивы, что с трудом поддаются какому-либо обобщению. Все же, несмотря на эти различия, которые наблюдаются даже в рамках одной монографической публикации, не говоря уже о сборниках статей, посвященных анализу мирового порядка⁴, можно заметить, что в большинстве случаев в них исследуется лишь существующее положение дел в мире, констатируется сложившаяся международная ситуация, которая воспринимается и оценивается как определенный мировой порядок.

Такое видение миропорядка нередко приводит к парадоксам. Например, наиболее распространенным было мнение о том, что решающим фактором в международных отношениях служит мощь государств, включая их военный потенциал и вооруженные силы. Мировой порядок поэтому трактовался как состояние динамического соответствия международных отношений соотношению сил на мировой арене, в первую очередь между СССР и США как двумя "сверхдержавами". Следовательно, господство силы или стремление к балансу сил, постоянно порождающие соперничество между государствами и гонку вооружений, выдавались за определенный мировой порядок. Прекращение существования Советского Союза и соответственно биполярного мира неизбежно означало крушение данного "прагматичного" видения мирового порядка. Оказались несостоятельными и попытки выдать состояние "холодной войны" за определенный "порядок" дел в мире. Окончание "холодной войны" невольно означало в свете указанного подхода прекращение существования мирового порядка и, следовательно, наступление беспорядка.

О том, что такой подход был широко распространенным, говорит и упомянутое выше заявление Совета взаимодействия, в котором необходимость выработки нового понимания мирового порядка объясняется окончанием "холодной войны". Нельзя также не заметить, что ее прекращение создало затруднения и для тех политологов, которые постулировали постоянное противостояние между Востоком и Западом в силу существенных различий и расхождений между социальными системами и классовыми установками государств и на основе этой конфронтации конструировали свое видение нынешнего и грядущего миропорядка. Новейшие договоренности между Востоком и Западом, в том числе и в области разоружения, совместные шаги государств — участников СБСЕ по включению мер обеспечения "демократии и верховенства закона" в число мероприятий, содействующих укреплению безопасности в Европе и во всем

мире, в конечном счете подтвердили некорректность или несостоятельность подобного рода моделей мирового порядка.

К сожалению, характерное для многих прежних публикаций по вопросам миропорядка стремление ограничиться при формулировании концепции и понятия мирового порядка лишь отражением и описанием существующего состояния мировых отношений, сложившейся международной практики присуще также в определенной мере и уже появившимся в прессе суждениям относительно нового мирового порядка. Многие из них завершаются спасительной ссылкой на то, что еще рано давать какие-либо рекомендации и оценки, ибо надо подождать развития событий в современном сложном многополярном мире. Но такая пассивность противоречит даже той логической и смысловой нагрузке, которая должна содержаться в понятии "мировой порядок". Ведь к несомненной заслуге исследователей миропорядка следует отнести их постоянное предупреждение о том, что порядок в мире необходимо рассматривать не только как политическую реальность, но и как идеал или цель, к достижению которой должны стремиться все государства в мире. Поэтому понятие "мировой порядок" должно охватывать и отражать реальную действительность, а также и глобальную задачу обеспечения порядка во всем мире.

Любая концепция мирового порядка не может не принимать во внимание и такое новое явление наших дней, как "международное сообщество государств". Этот институт, возникший после окончания второй мировой войны и проявившийся впервые в создании ООН, находится в процессе постоянного развития и укрепления, олицетворяя высокую степень взаимосвязанности и взаимозависимости государств в современном мире. Упоминание о международном или мировом сообществе присуще исследованиям проблем миропорядка, но оно почему-то не учитывалось при окончательном формулировании понятия и определения "мировой порядок".

И еще над одним из вопросов заставляют задуматься работы специалистов по миропорядку. В них зачастую подчеркивается, что понятия "мировой порядок" и "международный порядок" не совпадают. И это пояснение кажется на первый взгляд справедливым. Однако в дальнейшем замечаешь, что даже в научных публикациях, содержащих такое предупреждение, оно последовательно не соблюдается и не выдерживается. Так, например, весьма содержательная работа о международном порядке, опубликованная в нашей литературе, предваряется введением, в котором речь идет о мировом порядке, но его понятие тесно увязывается с сущностью и развитием порядка в международных отношениях⁵. Это же характерно и для зарубежных публикаций⁶. В них, как правило, применяется термин "мировой порядок". Но предметом основного внимания ав-

торов служат только международные отношения и международный порядок. Что же касается весьма широкой практики применения термина "мировой порядок" официальными деятелями государств, то тут уж, вне всяких сомнений, имеется в виду именно порядок в международных делах, в международных отношениях. Достаточно сослаться на концепцию "нового мирового порядка" президента Дж. Буша и отклики на нее как политических деятелей, так и ученых, чтобы убедиться в том, что речь идет о порядке во взаимоотношениях государств, известных современной политической карте мира.

Отрадно отметить, что в дискуссиях по поводу нового мирового порядка все чаще стали встречаться ссылки на международное право и на Устав ООН как универсальный кодекс права для всего международного сообщества, на механизмы поддержания правопорядка под эгидой ООН. Да и в выступлениях Дж. Буша говорится о новом мировом порядке, "основанном на международном праве". Все это в значительной мере облегчает пояснение и обоснование нашего подхода к понятию мирового порядка, центральное место в котором принадлежит, конечно же, термину "порядок".

В общеупотребительном смысле слово "порядок" означает правильное, налаженное состояние. Применительно к общественным отношениям оно толкуется как режим и правила, по которым осуществляются эти отношения. Словарь Вебстера идет еще дальше в конкретизации термина "порядок", считая, что он подразумевает состояние мира и спокойствия, надлежащее "упорядоченное" поведение, "соблюдение права".

В теории права, несмотря на самые различные и подчас противоположные объяснения происхождения и сущности права, всегда существовало общее понимание, что назначение права состоит в том, чтобы и создать, и обеспечить общественный порядок. В повседневной реальной жизни "право для людей всегда выступало как *определенный порядок в обществе* (курсив мой. — А. М.)"⁷. При этом в исследованиях по теории права справедливо подчеркивается, что "при любом подходе к праву в нем признается определенный общественный порядок, право выступает в качестве общественного регулятора, обеспечивающего порядок в обществе. Это вне сомнений"⁸.

Применительно к международному сообществу государств понятие "порядок" также должно отвечать сложившимся представлениям об этом термине и, следовательно, означать определенный порядок в отношениях между государствами, предусмотренный и установленный международным правом. Международный Суд ООН неоднократно обращал внимание на эту социальную ценность между-

народного права как "юридического здания, бережно возводимого человечеством веками", и отмечал, что весьма сложное современное международное сообщество "как никогда нуждается в том, чтобы постоянно и тщательно соблюдались нормы, которые были созданы для обеспечения упорядоченных отношений" (курсив мой. — А.М.) между государствами — членами сообщества"⁹.

В новейших исследованиях современной теории права констатируется тот исторический факт, что "развитие человеческой цивилизации все больше и больше направляется к практическому отходу от конфронтации людей и народов к их сосуществованию, согласию и компромиссу"¹⁰. С учетом этой тенденции доктрина права постепенно признает право в качестве средства общественного согласия. "В этом понимании право является системой общественного порядка, основанной на учете интересов разных слоев общества, их согласия и компромиссах"¹¹.

Но ведь это постепенно утверждающееся свойство права всегда было присуще международному праву, поскольку все его нормы возникают и существуют лишь в результате согласия, соглашения различных государств, основанного на учете их интересов и компромиссах. Поэтому, учитывая созидательные, жизненные истоки юридических правил международного общения государств и реальное назначение этих норм в международных отношениях, являющихся одним из видов общественных отношений, нельзя не прийти к выводу о том, что и международное право представляет собой систему общественного порядка в современном мире, то есть мирового порядка.

Этот вывод подкрепляется и позднейшими исследованиями в теории международного права и правопорядка. В работах юристов-международников разных стран все чаще стала рассматриваться и оцениваться роль международного права в обеспечении порядка в международных отношениях. При этом характерна трактовка международного права как олицетворения "международного публичного порядка"¹² или же "нормативного порядка"¹³. Правопорядок в международном сообществе понимается как "порядок отношений, который установлен и осуществляется на основе принципов и норм международного права"¹⁴, либо как "совокупность отношений, основанных на нормах права"¹⁵, или же как "совокупность правоотношений, которые складываются в соответствии с нормами и предписаниями международного права"¹⁶.

При этом иногда высказывается мнение, что "миропорядок не сводится только к международному правопорядку. Однако международный правопорядок составляет основу, главное содержание миропорядка"¹⁷. К сожалению, такое замечание не сопровождается

ся каким-либо пояснением. По-видимому, авторы считают его само собою разумеющимся. Может быть, это и так. Но все же возникает вполне оправданный интерес к тому, чтобы узнать, а что же все-таки находится за пределами правопорядка, но входит в миропорядок? В чем сущность этого в некотором роде "остатка", ибо он не является "главным содержанием миропорядка" и не охватывается международным правом как системой общественного порядка? А может быть, такой "остаток" относится уже не к порядку, а к беспорядку и мы лишь по инерции продолжаем относить к миропорядку все происходящее на международной арене, в том числе и не соответствующее или даже противоречащее международному праву либо еще не "упорядоченное" с помощью международного права? Чтобы разобраться в этом, необходимо провести хотя бы краткий анализ тех сущностных черт международного права, которые, по нашему мнению, содействуют пониманию и определению такого сложного общественного явления, как мировой порядок.

Прежде всего целесообразно констатировать тот факт, что современное международное право по своему содержанию охватывает практически почти все виды деятельности государств на международной арене, их взаимоотношений и сотрудничества в самых различных сферах международной жизни, как традиционно сложившихся, так и в новых сферах, обусловленных общественно-экономическим и научно-техническим прогрессом. Международный Суд еще в первые годы своей деятельности подчеркнул, что "вся история международного права свидетельствует о том, что оно развивается под влиянием требований жизни"¹⁸. При этом, как справедливо подметил Г.И. Тункин, "международное право не только следует за развитием отношений между государствами и упорядочивает их, но и нередко имеет целью регулирование возможных в будущем отношений между государствами"¹⁹. В качестве примера приводится космическое право, которое не ограничивается регулированием существующих отношений, а стремится создать возможности для регламентации новых отношений в будущем. В этой связи Ю.М. Колосов вполне обоснованно указывает на то, что принципы космического права, учитывающие интересы всех государств, в том числе и не осуществляющих космической деятельности, "можно рассматривать как один из факторов *нового миропорядка* (курсив мой. — А.М.)"²⁰. Такое же стремление, на наш взгляд, было характерно и для государств — участников III Конференции ООН по морскому праву при осуществлении ими кодификации и прогрессивного развития современного международного морского права.

Здесь уместно привести данные Секретариата ООН о том, что за первые 35 лет существования ООН ее органами или конференциями

под ее эгидой было разработано около 200 многосторонних договоров по кодификации и дальнейшему развитию общего международного права²¹. Такая успешная работа позволила в свое время Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру указать на то, что с помощью ООН "значительно большая часть международного права" была кодифицирована и развита, чем "за всю предыдущую историю человечества"²². Благодаря такой интенсивной международной нормотворческой деятельности государств общее международное право обогатилось многими новыми принципами и нормами, которые в сумме своей свидетельствуют о том, что в его предметном содержании произошел значительный качественный скачок. Оно стало охватывать, в сущности, все виды взаимосогласованной деятельности государств, их взаимоотношений и совместного сотрудничества, которые известны современной практике международных отношений.

Наряду с нормами общего международного права в международных отношениях создаются и действуют локальные нормы международного права, в основном договорные по своему происхождению и характеру. Они служат урегулированию тех специфических проблем международных отношений, которые, по мнению государств — участников локальных международных договоров, не упорядочены в достаточной мере принципами и нормами общего международного права²³. В связи с этим сложилось и утвердилось понимание современного международного права как охватывающего общее международное право и локальные международные нормы. Поэтому официальная практика государств ныне ограничивается применением термина "международное право" для обозначения всей системы международных принципов и норм, юридически обязательных для всех без исключения государств. Весьма характерна для современной дипломатической практики и постоянная ссылка на международное право при оценке фактически любой ситуации, возникающей в отношениях между государствами. Это также говорит о весьма высоком содержательном уровне действующего международного права.

Наконец, оценивая содержание международного права, нельзя не отметить общедемократический характер его принципов и норм. В силу этого они общеприемлемы для всех участников международных отношений, в том числе для государств с различными социальными системами. С претворением в международно-правовую жизнь идеи мирного сосуществования государств "независимо от их политических, экономических и социальных систем и от уровня их развития" (Декларация ООН о принципах международного права 1970 г.) международное право стало подлинно универсальным.

Вследствие распада колониальной системы расширилась также пространственная сфера действия международного права. "Оно стало в этом смысле всемирным правом"²⁴.

Таким образом, сочетание весьма развитой содержательной системы международно-правовых принципов и норм со всемирным масштабом их действия свидетельствует о том, что **современное международное право представляет собой целостную систему общественного порядка в мире, то есть мировой порядок**, которому должны следовать и в основном уже практически следуют все участники современных международных отношений.

Однако международная жизнь настолько многообразна, что многие явления в ней остаются и будут оставаться за пределами действия норм международного права. К их числу, несомненно, относятся факторы, влияющие на формирование внешней политики государств, на внешнеполитическую тактику и стратегию отдельных государств или групп государств. Выбор ненасильственных дипломатических средств и приемов для реализации внешнеполитической позиции государств, уровень и характер их политико-экономических отношений и сотрудничества с теми или иными государствами вплоть до установления тесных союзнических взаимоотношений, конечно, не охватываются предписаниями международного права. Такие внешнеполитические шаги и мероприятия конкретных государств предпринимаются ими с учетом потребностей политического и экономического развития, степени достигнутого участия во всемирных отношениях, специфики интересов, обусловленных принадлежностью к определенному региону, например к Европе или Ближнему Востоку, и многими иными факторами, которые не поддаются исчерпывающему перечислению. Все они в сумме своей определяют сущность и характер мировой политики, которая, в свою очередь, оказывает огромное воздействие на состояние дел в мире, на мировой порядок.

Эту сферу политической реальности имеют, вероятно, в виду исследователи миропорядка, когда предупреждают о том, что понятие мирового порядка шире понятия правопорядка в международных отношениях. Но можно и следует ли такие факторы и обусловленные ими внешнеполитические акции государства или групп государств считать элементами мирового порядка? Не составляют ли они содержание и сущность иных общественных явлений международной жизни, которые подпадают под понятия "внешняя политика" или "мировая политика"?

Более того, если, как признают и специалисты по миропорядку, "порядок существует только при нормативном поведении"²⁵, тогда все внешнеполитические действия и акции государств или групп

государств, не соответствующие нормам международного права, а тем более противоречащие им, вообще не могут считаться "нормативным поведением" и, следовательно, охватываться понятием или термином "мировой порядок". Стоит только оглянуться на внешне-политическую практику недавнего прошлого, чтобы увидеть, как две "сверхдержавы", уповая на свою военно-политическую мощь и военно-политические союзы с группами определенных государств, оказывали огромное воздействие на внешнюю политику всех других государств и на мировую политику в целом. При этом нередко игнорировались интересы народов многих стран и элементарные юридические правила международных отношений. Но разве можно такие акции "подгонять" под понятие "мировой порядок"?

Международное сообщество государств еще в 1945 году было уполномочено на основании главы VII Устава ООН применять принудительные меры в отношении действий государств, представляющих любую угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии. Такое принуждение не считалось затрагивающим принцип невмешательства во внутренние дела государств (п. 7 ст. 2 Устава ООН). Это положение сохраняет свое значение и в наши дни: любая внешнеполитическая акция, представляющая собой угрозу силой или ее применение, несовместима с целями и принципами ООН и подлежит пресечению согласно предписаниям действующего международного права. Для нашего времени характерна и тенденция расширения сферы международно-правового регулирования, под которое подпадают вопросы, ранее считавшиеся внутренним делом государств, в числе которых — вопросы прав человека, охраны окружающей среды. Внешние дела, связанные с нарушением предписаний международного права, также стали предметом озабоченности международного сообщества государств в целом, которое вправе принять меры к устранению нарушений международной законности, к пресечению международных преступлений. Поэтому привычное для дипломатического лексикона выражение "невмешательство во внутренние и внешние дела государств" уже больше не отражает международно-правовую действительность. Более точной и корректной сегодня следует признать формулировку относительно невмешательства "во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию" государств, которая была закреплена в хельсинкском Заключительном акте.

Что касается внешнеполитических акций государств по вопросам, еще не урегулированным международным правом, то история международных отношений содержит много примеров того, как государства вынуждены были либо сами стремились отразить и закрепить в нормах международного права свою позицию, с тем чтобы обеспечить ее устойчивое восприятие другими государствами и

таким образом создать и установить определенный порядок поведения государств в конкретной сфере международной жизни. Так, односторонние действия США по распространению своих суверенных прав на континентальный шельф, а затем и некоторых развивающихся стран по подчинению своему суверенитету прибрежных пространств открытого моря, объявленных ими "рыболовными" или "экономическими" зонами, были справедливо расценены международным сообществом как произвольные действия, подрывающие сложившийся мировой порядок на морях и океанах. Возникли международные споры и конфликты, которые продолжались до тех пор, пока не было достигнуто международно-правовое признание статуса и режима континентального шельфа и исключительной экономической зоны на соответствующих многосторонних конференциях и переговорах.

Вместе с тем есть примеры и того, как государства, заинтересованные в установлении нового порядка в конкретной области международных отношений, сами выступали инициаторами создания новых международных правил и рекомендаций, отражающих их интересы и позицию. Так, в 1974 году группа развивающихся стран выступила с программой действий по установлению нового международного экономического порядка, которая была закреплена в соответствующей Декларации и Хартии экономических прав и обязанностей государств, принятых на VI специальной сессии и XXIX регулярной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Новейшими примерами могут служить внешнеполитические шаги и меры европейских государств по осуществлению интеграционного процесса в Европе и заключению в этих целях международных соглашений относительно Европейского сообщества.

В этом контексте уместно упомянуть о том, что современному международному праву известна целая система международных механизмов для решения актуальных проблем и конкретных вопросов международных отношений, для нахождения и разработки общеприемлемых для всех государств соглашений и договоренностей, относящихся к тем специфическим ситуациям, которые, по мнению государств, не получили должного и достаточного урегулирования в существующих юридических правилах международного общения. Для современных международных отношений стало характерным не только существование постоянных действующих межгосударственных организаций (ООН, ее специализированных учреждений и многих других межправительственных образований универсального и регионального характера), но и регулярное проведение международных встреч, консультаций, переговоров как на высшем, так и на других уровнях. Наличие и регулярное использование государствами таких интернациональных механизмов для разрешения насущ-

ных проблем международных отношений и международного нормотворчества составляет существенную черту современного мирового порядка.

Опыт деятельности межправительственных органов и организаций, правила процедуры их работы, порядок создания новых международно-правовых принципов и норм, в том числе и специфических правил, регламентов и стандартов (в рамках, например, ММО, ИКАО), убедительно свидетельствуют о реальной возможности достижения в наши дни оптимального сочетания национальных интересов государств с потребностями международного сообщества в целом. Главное при этом состоит в том, чтобы индивидуальные или групповые дипломатические инициативы и действия государств, обусловленные их национальными интересами, политико-экономической мощью и связанным с этим политико-экономическим влиянием, которое они оказывают на мировую политику, не выходили за рамки того порядка в международных отношениях, который предусмотрен в принципах и нормах международного права, тщательно создававшихся всем человечеством на протяжении его истории. Это требование в равной мере применимо ко всем государствам (и большим, и малым), а также ко всем тем многочисленным и разнообразным дипломатическим шагам и внешнеполитическим акциям различных государств, без которых немыслимы международная жизнь и мировая политика.

Динамика общественного развития не раз приводила и, несомненно, еще приведет к существенным переменам в международных отношениях и мировой политике. Богат такими событиями и XX век, отмеченный двумя мировыми войнами, возникновением Советского Союза, оказавшего значительное воздействие на мировую политику и соотношение сил в мире, и распадом этой "сверхдержавы", крушением колониальной системы и появлением значительной группы развивающихся стран, созданием универсальных межгосударственных организаций и связанным с этим сплочением государств в "международное сообщество" и, наконец, появлением небывалого числа независимых государств со своим самостоятельным видением и подходом к международным делам и отношениям.

Немало испытаний претерпело в нынешнем столетии и международное право — от полного пренебрежения к нему в период подготовки и развязывания второй мировой войны до неоднократного его нарушения во время "холодной войны", что породило чувство вседозволенности у двух "сверхдержав", особенно проявившееся в их вооруженных интервенциях во Вьетнаме и Афганистане. Нельзя не упомянуть и о напаках на международное право со стороны отдельных политических деятелей и специалистов, начиная от "нега-

тивистов”, отрицавших какое-либо значение международного права, и кончая скептиками, высказывания которых встречаются и поныне.

Однако международное право не только выдержало свою проверку этими трудными для него временами, не только сохранило действенность всех традиционно сложившихся норм, но и обогатилось новыми принципами и нормами, вызванными потребностями меняющихся международных отношений. Создание Устава ООН и закрепление в нем основных принципов деятельности всемирной межгосударственной организации как бы констатировало переход от международного права “цивилизованных народов” к общему международному праву как системе права, отражающей общие интересы всего международного сообщества государств, а также те закономерности развития международных отношений, которые присущи современной эпохе сосуществования и сотрудничества всех государств независимо от каких-либо их различий.

В Уставе ООН – важнейшем международно-правовом акте наших дней – были закреплены, в сущности, те краеугольные основы нового порядка в мире, которые служат объективными нормативными рамками и критериями для регламентации и оценки должного поведения государств в современном мире. Объединение всех государств на этих политико-правовых основах во всеобщую и универсальную международную организацию – ООН – свидетельствовало об осознании государствами той непреложной реальности нашего времени, что все страны и народы существуют на единой планете Земля и должны совместно обсуждать и находить решения всех глобальных проблем как единое мировое сообщество.

Так почему же не признать и не подтвердить сегодня тот факт, что действующее общее международное право олицетворяет собой ту выработанную мировым сообществом модель нового мирового порядка, которая отвечает интересам всех государств, требованиям современности и не была до сих пор полностью реализована лишь из-за конфронтации между Западом и Востоком и в определенной мере из-за противоречий и разногласий между Севером и Югом?

Такой подход к оценке роли и значения общего международного права соответствует и фактически единодушному мнению специалистов по миропорядку о том, что мировой порядок необходимо рассматривать как политическую реалию и как идеал. Под политической реальностью понимается упорядоченное взаимодействие государств, а под идеалом – некая идеальная организация международной жизни²⁶. Эти элементы понятия мирового порядка в полной мере присущи общему международному праву. Оно уже упорядочило взаимодействие и сотрудничество государств во мно-

гих сферах всемирных отношений, но по-прежнему все еще предстает перед нами как определенная цель в организации международной жизни государств, к достижению которой должно стремиться все мировое сообщество.

Целенаправленность общего международного права состоит в том, чтобы обеспечить ненасильственный мир, нормальные, миролюбивые и дружественные взаимоотношения и сотрудничество между государствами в соответствии с основными принципами Устава ООН (Декларация ООН о принципах международного права 1970 г.).

Для объединения дальнейших усилий сообщества государств по достижению этой благородной цели сейчас складывается благоприятная международная обстановка. Конфронтация Восток – Запад, которая определяла деятельность ООН многие годы, ушла в прошлое. Закончившаяся в конце 1992 года 47-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, а также заседания Совета Безопасности в течение прошлого года показали, что практически не было существенных разногласий между государствами ни по одному из принципиальных вопросов международных отношений.

Руководители государств теперь постоянно уделяют внимание международному праву. Это характерно и для концепции "нового мирового порядка", выдвинутой Вашингтоном, и для заявлений Совета НАТО, ныне регулярно призывающего к тому, чтобы "власти на всех уровнях" стали уважать международное право, и особенно для решений, принимаемых в рамках СБСЕ. При этом даже бывшие союзники Вашингтона не склонны более полагаться на заверения США и безоговорочно воспринимать американское лидерство в новом мировом порядке.

Показательна в этом отношении ситуация с гуманитарной акцией в Сомали. США намерены были самостоятельно осуществить "гуманитарную интервенцию" в Сомали. Однако Франция проявила инициативу и настояла на том, чтобы "спасение Сомали" было осуществлено не под командованием Вашингтона, а под эгидой ООН. В силу военной мощи США основную роль в Сомали по-прежнему выполняют американские вооруженные силы, но уже с участием сил двадцати других государств и под контролем ООН. "При этом, – подчеркнул министр иностранных дел Франции Р. Дюма, – никакая страна, пусть даже самая могучая, не должна присваивать себе право вести себя как жандарм, восстанавливать порядок в той или иной стране, менять ее правительство"²⁷. Всем памятно, как прежде США по своему усмотрению осуществляли "гуманитарную интервенцию", в частности в Гренаде и Панаме, не считаясь с ООН и международным правом. Ныне американские силы применяются

лишь для "сопровождения гуманитарной помощи" и под эгидой ООН. Это, по мнению Р. Дюма, "юридическое новшество в международной жизни"²⁸.

В создавшихся новых условиях очевидна задача юристов-международников – раскрыть тот огромный потенциал, который был заложен учредителями ООН в функции и полномочия органов этой всемирной организации в интересах обеспечения нового мирового порядка по окончании второй мировой войны, но так и не был еще полностью реализован. Повысилось и значение установок относительно содействия распространению знаний о международном праве, которые характерны для многих резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, для уставов различных ассоциаций и объединений юристов, в том числе и для устава недавно созданного Московского независимого института международного права. Насущная потребность в этом обусловлена не столько теми юридическими пробелами или недочетами, которые подчас присущи дипломатической и договорной практике государств, особенно недавно возникших, в том числе и в результате распада Советского Союза, сколько все возрастающим среди широких официальных и общественных кругов пониманием того факта, что **альтернативы международному праву как фундаменту и регулятору мирового порядка в наши дни нет и не может быть.**

При осуществлении этой разъяснительной работы юристами-международниками да и специалистами по миропорядку первостепенное внимание, по нашему мнению, должно быть уделено социальному и юридическому значению принципов Устава ООН как основных принципов международного права, определяющих социальную и политико-правовую направленность всех действующих международных правил поведения государств, а следовательно, и целенаправленность нового мирового порядка.

Возникновение и утверждение системы основных принципов – явление, характерное для общего международного права. Традиционному международному праву и его доктрине не было присуще выделение каких-либо норм в качестве основных принципов. Этим, видимо, объясняется сдержанное отношение западных юристов-международников к данной правовой категории и применение ими в своих публикациях вместо понятия "основные принципы" таких терминов, как "высшие принципы", "общие принципы" и просто "принципы"²⁹. Для наших юристов-международников (как ученых, так и практиков) всегда характерным было применение понятия "основные принципы" и постоянное исследование их сущности и значения как наиболее важных, общепризнанных норм, составляющих идейную и нормативную основу всей системы международного права³⁰.

Объективным критерием для позитивного разрешения все еще существующих разночтений в подходе к правовой характеристике принципов Устава ООН может служить принятая в ООН на основе консенсуса Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970 года. В ней было выражено единодушное суждение международного сообщества государств о том, что "принципы Устава, содержащиеся в настоящей Декларации, представляют собой *основные принципы международного права* (курсив мой. — А.М.)", и закреплен призыв к тому, чтобы все государства руководствовались этими принципами "в своей международной деятельности" и развивали свои взаимоотношения "на основе их строгого соблюдения"³¹.

Этот призыв, обращенный ко всем без исключения государствам, отразил ту всеобщую юридическую обязательность принципов ООН, которая изначально была закреплена в ее Уставе. Так, например, в интересах поддержания международного мира и безопасности ООН была изначально уполномочена обеспечивать, чтобы "государства, которые не являются ее членами, действовали в соответствии с этими принципами" (п. 6 ст. 2 Устава ООН). Данное постановление Устава ООН сохраняет свою актуальность, поскольку в мире продолжается процесс возникновения новых государств, не сразу становящихся членами ООН. В свое время нам уже приходилось возражать против абсолютизации концепции согласования воль государств, в силу которой считалась вполне справедливой и правомерной позиция новых государств, когда они не считали себя автоматически связанными принципами международного права, созданными без их волеизъявления и согласия. Подобная "абсолютизация" вольно или невольно означала, что обязательность основных принципов международного права ставилась в зависимость от "поголовного" признания их юридической силы и тем самым практически вела к беспорядку в международных отношениях. Ни наука, ни практика международного права никогда не исходили из таких требований³², а тем более сейчас, когда в результате усилий международного сообщества по повышению юридического авторитета и значения принципов Устава ООН (например, положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. относительно *jus cogens*) доктрина и практика международного права исходят из того, что его основные принципы являются императивными нормами. В настоящее время общепризнанно, что отклонение от соблюдения этих принципов как основных правовых норм должного поведения государств и иных участников международных отношений юридически недопустимо, а подчас и преступно. В этом нельзя не видеть важного вклада в

дело обеспечения и укрепления мирового порядка.

Отнесение основных принципов, в том числе принципа неприкосновенности угрозы силой или самой силой против территориальной целостности или политической независимости государств, к разряду императивных норм свидетельствует о том, что понятие и действие императивных норм не ограничиваются сферой права международных договоров, как утверждают некоторые юристы-международники, а распространяются на все действия государств — односторонние и совместные — на международной арене. Это мнение подкрепляется и тем, что в международном праве не закрепились понятие "публичный порядок" (public order), которое, разумеется, относилось бы и к недоговорным взаимоотношениям государств. Понятие *jus cogens* восполняет данный пробел и должно толковаться как распространяющееся на все шаги и мероприятия государств в любых областях международных отношений и тем самым содействующее порядку в мировой политике.

Социальные закономерности развития всемирных отношений, в частности интенсивный рост и углубление международных связей, усиление взаимосвязанности и взаимозависимости различных акций государств, особенно в сфере безопасности, в итоге привели к общему пониманию государствами того факта, что пределы свободного усмотрения государств должны быть поставлены в строгие, даже императивные, юридические рамки, выход за которые следует считать недопустимым и противозаконным. В противном случае может быть нанесен ущерб не только интересам и правам других государств, но и всему мировому сообществу и мировому порядку.

В последнее время юристами-международниками стала обсуждаться проблема возможности и способов возникновения новых императивных норм. При этом почему-то считается, что государство или группа государств обязаны сразу же указать, что предлагаемая ими международная норма вносится на рассмотрение конференции или иного нормотворческого органа именно в качестве императивной нормы. Для пояснения и обоснования такой точки зрения делаются ссылки на предложение в ходе работы III Конференции ООН по морскому праву группы развивающихся стран признать и одобрить принцип "общего наследия человечества" в качестве императивной основной нормы. Отказ конференции придать такой характер принципу "общего наследия человечества" экстраполируется на будущее международное нормотворчество, и в силу этого делаются пессимистические прогнозы. Подобный взгляд обосновывается и соответствующим толкованием текста статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров³³. Но постановления данной статьи относительно императивных норм допускают и другое тол-

кование. Оно, на наш взгляд, состоит в том, что императивными признаются лишь нормы общего международного права. Следовательно, новая норма должна сначала стать общеприемлемой по своему содержанию и юридически обязательной для всех государств, то есть быть признанной как норма общего международного права, а уж затем она может быть признана "международным сообществом государств в целом" как "норма, отклонение от которой недопустимо" (ст. 53 Венской конвенции). Причем концовка статьи довольно-таки четко говорит об этом, указывая на то, что в дальнейшем такая норма может быть изменена "только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер"³⁴. Поскольку критерием истинности различных толкований и суждений является практика, то обратимся к ней.

Весьма показательна в этом отношении краткая история возникновения и становления новейшего основного принципа международного права — принципа всеобщего уважения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Его появление было обусловлено постановлениями Устава ООН относительно необходимости осуществления международного сотрудничества государств в области прав человека (п. 3 ст. 1, ст. 55). При этом никто из учредителей ООН не ставил перед собой задачу создания новых императивных норм общего международного права. Однако в дальнейшем последовала разработка в рамках ООН целого ряда ныне широкоизвестных международных документов (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международные пакты о правах человека 1966 г. и др.), которые привели в конечном счете к становлению и утверждению принципа всеобщего уважения прав человека. Он нашел свое подтверждение и во многих международно-правовых актах, принятых вне рамок ООН (Межамериканская декларация 1948 г., Конвенция о правах человека 1969 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. и др.). Особое место среди них занимает Заключительный акт СБСЕ, в котором впервые была дана развернутая формулировка принципа и подчеркнуто "всеобщее значение" прав человека, уважение которых является "существенным фактором мира, справедливости и благополучия", необходимых для обеспечения миролюбивых и дружественных отношений между государствами, что как раз и составляет цель нового мирового порядка.

В международной практике не существует единого документа, в котором содержался бы полный перечень основных принципов и других императивных норм международного права. Это повышает роль и ответственность юристов-международников в установлении и

выявлении четкого мнения международного сообщества относительно круга и объема таких принципов и норм. Однако к ним, несомненно, относится принцип всеобщего уважения прав человека. Об этом свидетельствуют, в частности, все те мероприятия и решения СБСЕ, которые были приняты на последовавших после Хельсинкской встречи в 1975 году конференциях и совещаниях по вопросам человеческого измерения СБСЕ.

В документах, принятых в рамках СБСЕ, можно найти и указания на тесную связь принципа уважения прав человека с обеспечением мирового порядка. Так, на Московском совещании Конференции по человеческому измерению (10 сентября – 4 октября 1991 г.) государства-участники подчеркнули, что вопросы, касающиеся "прав человека, основных свобод", носят международный характер, поскольку соблюдение этих прав и свобод *"составляет одну из основ международного порядка (курсив мой. – А. М.)"*³⁵.

Государства – участники СБСЕ в последнее время постоянно указывают на тот факт, что обязательства в области прав человека, "человеческого измерения СБСЕ" представляют "непосредственный и законный интерес" для всех государств-участников "и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства". При этом подтверждается, что "защита прав человека, основных свобод" является жизненно важной основой всеобъемлющей безопасности³⁶.

Эти новации, присущие общему международному праву, находят свое отражение и в теории международного права. Возникло даже новое понятие – "международная защита прав человека", исследованию которого уже посвящено немало работ юристов-международников. К сожалению, в них стали встречаться и утверждения, что теперь индивид является субъектом международного права. В свою очередь (и, видимо, не без влияния подобных высказываний), в средствах массовой информации появились интервью и заявления отдельных юристов-государствоведов, в частности связанные с разработками проекта Конституции России, в которых прозвучало, что индивид отныне занимает особое, как бы равное с государствами положение в международных отношениях, может обращаться в любой международный суд, в том числе в Международный Суд ООН и Европейский суд по правам человека, и выступать там наравне с государством и против него. Однако, как известно, ни один из этих судов не признает таких прав за индивидами.

Конечно, государства могут в дальнейшем, если сочтут целесообразным, предоставить индивиду право обращаться в международное судебное учреждение, подобно тому как это было сделано в отношении компетенции Комитета по правам человека³⁷. Мо-

гут государства в дальнейшем признать за индивидом и свойство субъекта международного права. Но пока что любые высказывания относительно международной правосубъектности индивидов не соответствуют действительности. Более того, объективно они, вопреки намерениям их авторов, могут послужить лишь ослаблению реальной защиты прав личности. В наши дни права человека немислимы и не существуют вне государства, их непосредственная защита осуществляется государственными, административными и судебными учреждениями, действующими в государстве. Каждому человеку непосредственно доступны лишь те права и свободы, которые предусмотрены законодательством государства. Отсюда и многие различия в объеме и круге прав и свобод, предоставляемых индивиду в разных странах. Из этих непреложных фактов исходила ООН, ставя перед собой задачу добиться всемирного признания и осуществления единых международных стандартов в области прав человека во всех без исключения государствах.

Международной защите прав человека присуща тенденция к ее постоянному расширению. Так, в свое время было признано необходимым распространить действие международного "гуманитарного права" на конфликты "немеждународного" характера. Актуальность данного решения подтверждается возросшим числом межнациональных и иных столкновений и конфликтов, происходящих в ряде государств, в том числе образовавшихся на территории бывшего СССР. В понятии человеческого измерения СБСЕ также произошли изменения. Если раньше оно сводилось к вопросам, касающимся "прав человека, основных свобод и контактов между людьми", то теперь в него вошли и вопросы "демократии и верховенства закона". Такое расширение было признано необходимым условием создания "стабильной обстановки прочного мира" в Европе³⁸. Тем самым была еще раз подтверждена тесная связь между внутригосударственными системами общественного порядка и международными. Такая взаимосвязь составляет существенную черту нового мирового порядка.

Для юристов-международников представляют несомненный интерес и те положения Декларации Хельсинкской встречи СБСЕ на высшем уровне в 1992 году, в которых было подтверждено, что принципы, изложенные в хельсинкском Заключительном акте 1975 года, "воплощают обязательства государств друг перед другом" и "не утратили своей силы". В ней было заявлено, что СБСЕ является региональным соглашением "в том смысле, как об этом говорится в главе VIII Устава Организации Объединенных Наций"³⁹. Эти четкие указания убедительно свидетельствуют о признании всеми государствами — участниками СБСЕ юридического характера обязательств, содержащихся в соглашениях СБСЕ. Вспоминается в связи с

этим то некоторое замешательство среди юристов-международников, которое было вызвано непривычным наименованием хельсинкского соглашения 1975 года Заключительным актом. Этот термин был применен фактически в результате усилий дипломатов ФРГ, которые стремились принизить правовое значение принципа "нерушимости границ", и английских дипломатов, старавшихся избежать процедуры ратификации первого хельсинкского соглашения⁴⁰.

Если политическая подоплека этих усилий вполне объяснима, то юридический их смысл до сих пор остается загадкой. Ведь к тому времени уже была осуществлена кодификация права международных договоров в Венской конвенции 1969 года, язык которой настолько ясен, что доступен каждому, тем более дипломатам. В ее начальных постановлениях (ст. 2) прямо поясняется, что "договор" означает "международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме", независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном или "нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (курсив мой. — А.М.)".

Что же касается согласия государства на обязательность для него договора, то такое согласие может быть выражено "подписанием договора" или "любым другим способом, о котором условились" (ст. 11), а не только ратификацией договора. Однако, несмотря на это, отдельные юристы-международники стали утверждать, что хельсинкский Заключительный акт — это "ненормативный акт"⁴¹. Другие попытались распространить на характеристику этого акта свою концепцию "политических норм". И в том, и другом случае отрицался, в сущности, международно-правовой характер принципов и норм Заключительного акта, причем даже без учета имевших место в тот период заявлений государств — участников СБСЕ, в частности США и Канады, о юридической силе и обязательной применимости к их взаимоотношениям принципа нерушимости границ. Интересно, как поступят сейчас эти юристы, когда все участники СБСЕ подтвердили, что принципы, изложенные в Заключительном акте, составляют их юридические обязательства, а СБСЕ в целом расценивается как международное региональное соглашение, то есть как международный договор (по смыслу Венской конвенции 1969 г. и гл. VIII Устава ООН).

В период "холодной войны" многие западные страны не стремились признать международно-правовой характер обязательств государств — участников СБСЕ по Декларации принципов и иным соглашениям, содержащимся в Заключительном акте 1975 года. Однако ныне в рамках СБСЕ появилась и нарастает новая тенденция. Все чаще государства — участники СБСЕ стали проявлять озабочен-

ность о соблюдении соглашений СБСЕ, подчеркивать их обязательную силу и принимать меры по их неуклонному исполнению, создавая в этих целях особые международные органы и механизмы контроля, инспекции, согласования и разрешения споров. Юридическая природа всех этих мер не вызывает уже сомнений и служит новейшим подтверждением международно-правового характера норм и обязательств, содержащихся в соглашениях СБСЕ.

Обязательность права, в том числе международного права, представляет собой то необходимое качество и свойство права, которое отличает его от других регуляторов общественных отношений. Конечно, обязательность международного права предполагает наличие ответственности за его нарушения и возможность применения принуждения для подавления и устранения любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии.

Для повышения уровня юридической обязательности принципов и норм международного права было уже немало сделано международным сообществом, которое еще в 1945 году провозгласило свою решимость "создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права" (преамбула Устава ООН). В этих целях прежде всего было осуществлено преобразование принципов международного права в общепризнанные и общедемократические основные нормы. Затем им был придан юридический характер императивных норм *jus cogens*. Теперь уже в доктрине и практике международного права считается недопустимым существование норм, которые бы не соответствовали его основным принципам. В результате этого появилось и утвердилось новое свойство международного права — **юридическая согласованность системы всех принципов и норм международных отношений**, благодаря которой дальнейшее развитие мирового порядка возможно лишь по пути социального прогресса, дальнейшего укрепления ненасильственных, нормальных и дружественных отношений между всеми государствами.

Расширились виды и формы международно-правовой ответственности государств⁴², их практическая реализация в процессе мирного урегулирования конфликтов и споров между государствами. Повышается обязательность обращения государств в этих целях в различные международные органы и судебные учреждения. Что касается принуждения, то прежде всего следует подчеркнуть, что оно весьма многообразно и не сводится, как и во внутригосударственных системах права, лишь к действиям правоохранительных органов. Мнение международного сообщества государств в целом, мировое общественное мнение да и мнение общественных кругов госу-

дарства относительно противозаконности тех или иных внешнеполитических акций государств, несомненно, служат мощными факторами принудительного воздействия на поведение того или иного государства на международной арене. Не случайно международное право считается более соблюдаемым, чем внутригосударственное право, которому известна развитая система карательных мер в отношении правонарушений и преступлений. Не так уже часты и грубейшие нарушения международного права по сравнению с внутренним. Повседневная жизнь государств, их взаимоотношения и сотрудничество в самых разнообразных сферах международных отношений все-таки в основном осуществляются в рамках международного права. Этот факт не могут не признать даже скептики, отрицающие юридическое и практическое значение международного права⁴³.

Вместе с тем следует признать, что необходимость в существовании и применении действий и мер принуждения в отношении угрозы миру и нарушений мира весьма актуальна. Такого рода дамоклов меч должен висеть над теми государствами, которые все еще уповают на силу в своей внешней политике. Агрессия Ирака против Кувейта показала, что в основе ее лежал и расчет на безнаказанность в условиях конфронтации Запад – Восток и разноречий между Югом и Севером. Политический просчет руководства Ирака состоял в том, что оно никак не ожидало решительного выступления против него международного сообщества. Совет Безопасности ООН в данном случае прибег к помощи вооруженных сил США и некоторых других государств. Но, видимо, настала пора всем государствам серьезно задуматься о необходимости эффективного осуществления полномочий и функций Совета Безопасности ООН, которые относятся к сфере осуществления принуждения со стороны ООН и нашли свое закрепление в Уставе ООН, в частности в его главе VII. В этих постановлениях Устава ООН отражен тот потенциал, который еще ждет своей реализации в целях дальнейшего укрепления мирового порядка.

Новейшие тенденции в мировой политике и международных отношениях подтверждают, что сообщество государств рассматривает международное право как олицетворение того мирового порядка, который должен действовать на нашей планете. Альтернативы международному праву, создававшемуся человечеством в течение столетий, нет.

¹ См. *За рубежом*. – 1991. – № 21. – С. 8–11.

² *Заключительное заявление девятой сессии Совета взаимодействия// Правда*. – 1991. – 14 июня.

³ *Международный порядок: политико-правовые аспекты*. – М., 1986. – С. 4.

- ⁴ См., например, *International Law: A Contemporary Perspective. Studies on a just World Order.* — No 2. — Westview Press, 1985.
- ⁵ См. *Международный порядок: политико-правовые аспекты.* — С. 3–5.
- ⁶ См. *Falk R. The End of World Order//Essays on normative international relations.* — N.Y., 1983; *Yalem R. The Concept of World Order//The Year Book of World Affairs.* — Vol. 29. — L., 1975. — P. 321–336.
- ⁷ *Лившиц Р.З. Современная теория права. Краткий очерк.* — М., 1992. — С. 8.
- ⁸ *Там же.* — С. 22.
- ⁹ *International Court of Justice. Reports.* — 1980. — P. 44.
- ¹⁰ *Лившиц Р.З. Указ. соч.* — С. 22.
- ¹¹ *Там же.* — С. 22–23.
- ¹² См. *Mosler H. The International Society as a Legal Community.* — Alphen aan den Rijn, 1980.
- ¹³ См. *Weil P. Towards Relative Normativity in International Law?//American Journal of International Law.* — 1983. — Vol. 77. — P. 413–442.
- ¹⁴ *Мовчан А.П. Организация Объединенных Наций и международный правопорядок (к 40-летию ООН)//Сов. ежегодник международного права.* 1985. — М., 1986. — С. 21.
- ¹⁵ *Евсиков В.И. Международное сообщество и правопорядок.* — Киев, 1990. — С. 71.
- ¹⁶ *Ушаков Н.А., Этин М.Л. Современный международный правопорядок//Международный порядок: политико-правовые аспекты.* — С. 83.
- ¹⁷ *Там же.*
- ¹⁸ *International Court of Justice. Reports.* — 1949. — P. 178.
- ¹⁹ *Международное право/Отв. ред. Г.И. Тункин.* — М., 1982. — С. 63.
- ²⁰ *Колосов Ю.М. Международный правопорядок в космосе//Международный порядок: политико-правовые аспекты.* — С. 122.
- ²¹ См. *Review of the Multilateral Treaty-Making Process.* — UN, 1985. — P.16.
- ²² *International Herald Tribune.* — 1985. — Oct. 21.
- ²³ См. *Международное право/Отв. ред. Г.И. Тункин.* — С. 59.
- ²⁴ *Там же.* — С. 43.
- ²⁵ *Международный порядок: политико-правовые аспекты.* — С. 39.
- ²⁶ *Там же.* — С. 23, 39.
- ²⁷ *Известия.* — 1992. — 7 дек.
- ²⁸ *Там же.*
- ²⁹ См., например, *Броунли Я. Международное право (в двух книгах).* — М., 1977; *Аречага Х. Современное международное право.* — М., 1983.
- ³⁰ См. *Основные принципы международного права//Курс международного права (в семи томах).* — Т. 2. — М., 1989.
- ³¹ *Международное право в документах.* — М., 1982. — С. 11–12.
- ³² См. *Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права.* — М., 1972. — С. 25–28.
- ³³ См. об этом *Cassese A. International Law in a divided World.* — Oxford, 1990. — P. 175–179; *Danilenko G.M. International jus cogens: Issues of Law-Making//European Journal of International Law.* — 1991. — Vol. 2. — No 1. — P. 42–65.
- ³⁴ *Международное право в документах.* — С. 87.
- ³⁵ *Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ//Сов. журнал международного права.* — 1991. — № 3–4. — С.117.

³⁶ См. Декларация Хельсинкской встречи СБСЕ на высшем уровне// Московский журнал международного права. — 1992. — № 4. — С. 181.

³⁷ См. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах//Права человека. Сборник международных договоров. — ООН, 1983. — С. 20–21.

³⁸ См. Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. — С. 116–117.

³⁹ См. Декларация Хельсинкской встречи СБСЕ на высшем уровне. — С. 181, 184.

⁴⁰ См. Russel H. The Helsinki Declaration: Broadening or Lilliput?//American Journal of International Law. — 1976. — Vol. 70. — P. 242–272.

⁴¹ См. Well P. Op. cit. — P. 414.

⁴² См. International Crimes of State. Berlin — New York, 1989. Draft Articles on State Responsibility, Art. 19//Yearbook of the International Law Commission. — Vol. II. — UN, 1976.

⁴³ См. Vereshchetin V.S., Danilenko G.M. Cultural and Ideological Pluralism and International Law//German Yearbook of International Law. — 1986. — Vol. 29. — P. 56–67.